

Влада МОЛНЕВА

АНГЕЛЫ ПЛАЧУТ
В ИЮНЕ

ЗА ГРАНЬЮ

За гранью. Мистические триллеры

Влада Молнева

Ангелы плачут в июне

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Молнева В.

Ангелы плачут в июне / В. Молнева — «Эксмо», 2021 — (За
гранью. Мистические триллеры)

ISBN 978-5-04-163540-4

Видеть настоящее и прошлое, входить в сознание другого, рисковать собой – на кону жизнь маленькой девочки. Злата – ясновидящая в маленьком провинциальном городе, к которой обращаются с разными проблемами. Она может спасти маленькую девочку Галю, если выяснит настоящую причину смерти ее тети Ларисы, чья душа переродилась в теле ребенка. Но если Злата не справится и не найдет тело умершей женщины, то Гале тоже не жить. Счет пошел на часы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-163540-4

© Молнева В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Влада Молнева
Ангелы плачут в июне

© Молнева В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

От ее истерических криков голова болела больше, чем от звуков дрели, не смолкающих с самого утра.

Я устало подняла глаза к потолку – новые соседи делают ремонт. Полчаса назад эти строительные шумы помешали мне полноценно остановить приступ аритмии пенсионеру и вызвали законное раздражение, но сейчас могли сослужить добрую службу.

– Валя, ты слышишь? – Я ткнула пальцем вверх. Она, конечно, возмущалась громко, но такой шум игнорировать не могла. – Я не могу работать в подобной обстановке. Извини, зайди в другой раз.

Разумеется, никакого другого раза не будет, но я слишком устала, чтобы объяснять ей это прямо сейчас. Тем более что вчерашняя попытка прийти к компромиссу с треском провалилась.

Девушка с шумом вдохнула воздух. Выпрямилась в тонкую напряженную струнку и возмущенно трянула короткими рыжими кудряшками, словно породистая кобылка, готовая сбросить седока.

– Ты мне вчера это уже говорила!

Я пожалала плечами. Чудненько. Я ей вчера столько всего говорила. Целую торжественную речь прочла, а она запомнила лишь последнюю фразу. Тем лучше – можно не повторяться.

– Я это говорю всем уже неделю. Особенности национального ремонта со всеми вытекающими последствиями.

Зеленые глаза студентки филфака МГУ блеснули и сузились, выражая недоверие.

– Пойдем ко мне, я живу близко. Никаких посторонних шумов не будет!

Умная девочка, хорошая попытка.

Я вздохнула и неохотно взяла протянутую фотографию. Именно над этим изображением молодого жизнерадостного брюнета я произнесла вчера монолог, достойный Гамлета, на тему быть или не быть привороту.

Бесплодная попытка. Девушка пришла снова, не вняв предупреждениям, точнее, пропустив их мимо ушей. Любовь не только слепа, но и глуха. Прямо не светлое чувство, а инвалид первой группы.

Что ж, я не оратор, у меня другая специализация. Придется действовать в ее узких рамках.

– Вот, возьми. Заняла у подруги. Если мало, найду еще. – Валя решительно сунула мне три новенькие банкноты.

Я перевела взгляд на свою ладонь. Триста долларов. Действительно мало. Смешная цена за несколько сломанных жизней, хотя на новый холодильник мне бы хватило, да и весы пора поменять – пропорции трав путать нельзя.

Валя, не зная, как трактовать мое молчание, перешла к угрозам:

– Ладно, если не хочешь, я в город поеду! Там полно магических салонов, найду желающих!

Я невольно улыбнулась. Тот, кто обладает достаточной силой, чтобы привести в действие подобный ритуал, не станет брать грех на душу за триста долларов, а действия доморощенных «магов» не опасны. Они не вызовут и бури в стакане воды.

– Желаю удачи!

Эх, прощай, новый холодильник! Не стоишь ты мигрени и угрызений совести. Парнишку-то я знала лично. Зовут Руслан, поет в ночном клубе «Тайна», мечтает стать звездой отечественной эстрады. Приходил ко мне пару раз за различными амулетами, притягиваю-

щими удачу. Стоит мне согласиться на предложение Вали, и никакие амулеты ему уже не помогут, никогда.

Зеленые глаза девушки наполнились слезами злого бессильного отчаяния, губы задрожали, но голос прозвучал неожиданно твердо и спокойно:

– Тогда я... я покончу с собой! Я люблю его! Можешь ты это понять? Жить без него не могу!

Я сочувственно кивнула. Знала бы ты, девочка, сколько раз мне приходилось слышать эту фразу в самых различных вариациях.

Например, сегодня утром, забравшись на подоконник моего открытого окна (третий этаж, между прочим), ее выкрикивала школьница, по уши влюбленная в Роберта Паттинсона. А тут всего-навсего провинциальный певец.

В корыстном расчете Валентину не упрекнешь. У Руслана за душой ни гроша – бывший питомец детского дома. Королем поп-сцены он тоже вряд ли когда-нибудь станет. Девушка неглупа и прекрасно это понимает, вот только любовь, как говорится, не картошка.

Нет, из окна Валя, конечно, не выбросится, но нервы себе и окружающим успеет потрепать изрядно.

– Хорошо. – Я устало подняла руки, признавая поражение.

Лицо девушки озарилось надеждой.

– Правда? Ты согласна? Ты это сделаешь?!

– Сделаю, если сама не передумаешь.

– С чего это я должна передумать? – насторожилась Валя.

– Ну вдруг тебе его жалко станет, – Я обезоруживающе улыбнулась и посмотрела в окно.

За ним, несмотря на солнечную погоду, накрапывал мелкий дождь. Из магазина напротив вышел парень в сером рабочем комбинезоне с нелепой бумажной пилоткой на голове. Один из тех, что вот уже неделю превращали мою жизнь в триллер «Безумный ремонт». В руках он нес ящик с пивом. Видимо, ребята решили сделать перерыв. Очень своевременно. Значит, в ближайшие двадцать минут будет тихо.

– Начнем, садись. – Я указала девушке на кресло возле стола.

Она села с неожиданной робостью. Вскоре шум наверху действительно стих. Пиво прибыло на место назначения.

Ладно, приступим. Я взяла удивленную Валу за руку, обработала палец спиртом и, проколов кожу одноразовым скарификатором, выдавила на фотографию капельку крови. Эта несложная, почти медицинская процедура обычно впечатляет людей гораздо больше шаманских пассов над хрустальным шаром.

Валя облизнула пересохшие от волнения губы, но промолчала, проникшись таинством момента.

Я водрузила на фотографию крохотный флакончик с водой. Следующая капля крови упала в его содержимое, придав прозрачной жидкости легкий красноватый оттенок.

Девушка выглядела слегка разочарованной.

– А я читала, что самый сильный приворот делается на менструальную кровь, – дрогнувшим голосом выдавила она.

Я только головой покачала. До чего начитанные клиенты пошли. Скоро вообще самой ничего делать не придется.

– У тебя сейчас менструация?

– Э... нет.

– Тогда какое это имеет значение? Расслабься и дай мне вторую руку.

Валя послушно протянула изящные пальчики, украшенные алыми ногтями. Их нереальной длине позавидовал бы любой хищник.

– И что дальше?

– А дальше нужно убедиться, что все сработает. Я покажу тебе несколько вариантов возможного будущего.

– Чего? Зачем это? – теперь робость просочилась и в голос девушки. Она попыталась отдернуть руку.

– Как зачем? Когда ты покупаешь товар в магазине, тебе дают на него гарантию, так? А здесь дело посерьезнее нового телевизора (так и хотелось сказать – холодильника). Загляни в будущее и убедись, что не зря отдаешь деньги.

Валя некоторое время молчала. Испытующе разглядывала меня, словно искала подвох, затем неуверенно кивнула:

– Ладно. Что нужно делать?

– Расслабься, закрой глаза и постарайся ни о чем не думать хотя бы пару минут.

Я легонько сжала ее ладони и сосредоточилась.

Через минуту Валя была в трансе. Подключаться к ее мыслям не стала – лишняя трата времени и энергии. Я и так знала, что она увидит. Приворот сработает. Какое-то время Валя будет наслаждаться праздником жизни, а потом начнутся суровые, о-очень суровые будни. И праздников в них больше не предвидится.

Точно не знаю, как это работает, но поработивший душу другого теряет право на личное счастье. Жизнь такого человека превращается в вечный бег по кругу: тщетную погоню за взаимным чувством, радостью, семейным уютом. Тот, на кого сделан приворот, тоже хеппи-энда не дождет. Он полностью утратит свою индивидуальность, забудет о прежних целях и мечтах. Превратится во влюбленного зомби – тень своего обожателя, которому, естественно, скоро надоест. Рабов приятно иметь, но любить...

Вскоре пальцы Вали стали влажными и задрожали в моих руках, лицо исказилось гримасой отчаяния.

Пожалуй, достаточно. Я осторожно вывела девушку из транса.

Несколько минут она приходила в себя, а потом сердито заявила:

– Это все ты мне внушила! Загипнотизировала и внушила!

С трудом сдержала вздох разочарования. Любовь и здравый смысл, конечно, несовместимы, но инстинкт самосохранения у нее ведь должен быть?

– Если бы я хотела что-то внушить, у тебя бы и тени сомнения не возникло. Вышла бы отсюда, забыв, зачем приходила, и, поверь, никогда бы не вспомнила. Я даже не знаю, что именно ты видела, но если не передумала – приходи вечером, завершим ритуал. Возьмешь флакон, добавишь жидкость ему в еду или напиток, и дело сделано.

Все еще бледная Валя почти минуту мерила меня обиженным недоверчивым взглядом.

– Деньги заberi, отдашь, когда будет результат.

Она взяла купюры. Доверия во взгляде не прибавилось.

– Ладно, вечером приду! – прежним тоном пообещала девушка, скрываясь за дверью.

Я расслабленно откинулась в кресле. Это вряд ли. Еще никто из тех, кто видел будущее, за флаконом не возвращался.

* * *

Через десять минут пытка дрелью продолжилась. Похоже, на сегодня мой рабочий день окончен. Впрочем, полноценных рабочих дней на этой неделе у меня практически не было.

В дверь позвонили. Пожалуй, стоит повесить табличку с надписью «закрыто» – следующий двадцатиминутный тайм-аут ожидается лишь через несколько часов.

Такое впечатление, что там наверху трудятся роботы, которым не нужно отвлекаться на отдых и еду.

Я машинально повернула ручку, впуская очередного посетителя.

– Бабушка, зачем звонишь? У тебя ключ есть.

В глазах Василисы Аркадьевны застыл упрек. Она сложила влажный зонтик и осуждающе ткнула им в мою сторону со словами:

– Опять не смотрела в глазок! И не отпирайся. Я знаю, что не смотрела.

– А зачем? Я прекрасно знала, кто там. Забыла, с кем имеешь дело?

Шутка, конечно, сквозь двери я не вижу и мысли напрямую читать не умею. И слава богу! Мне вполне достаточно того, что есть.

Бабушка покачала головой.

– Все равно – береженого бог бережет.

Я недовольно поморщилась. Терпеть не могу беседы на данную тему.

От очередной нравоучительной тирады родственницу отвлек вышеупомянутый звук все той же несносной дрели.

– Они еще не закончили? – нахмурилась она.

– Боюсь, даже не начинали.

В ход снова пошли молотки. Василиса Аркадьевна вздрогнула и с опаской покосилась на потолок.

– Но как же ты работаешь в такой обстановке?

– А я и не работаю. За последние два дня у меня было лишь три посетителя.

Уверена, это ей понравится. Бабуля не одобряет мою, как она выражается, общественную деятельность.

Под натиском очередной звуковой атаки мы одновременно зажали уши ладонями.

– Нет, это совершенно невыносимо! Бедная моя девочка, как ты это терпишь? Думаю, тебе стоит пока пожить у меня, – заявила она.

– Но это нарушение правил конспирации. Твоих, между прочим, правил, – с легкой усмешкой напомнила я и тут же пожалела о сказанном.

Бабушка не упустила случая развить свою любимую тему. То есть любимой она, конечно, не была, и острая мания преследования уже давно перешла в хроническую вялотекущую стадию, но до сих пор ни о чем другом Василиса Аркадьевна не говорила с таким пылом и убеждением.

– Да, это я настояла на том, чтобы мы проживали отдельно, потому что *те, кто нас ищет*, этого не ожидают! Они думают, что мы, как прежде, живем вместе и...

Я раздраженно передернула плечами. Терпеть не могу подобные разговоры.

– Во-первых, мы видимся почти каждый день, и *те, кто нас ищет*, легко сложат два плюс два! А во-вторых, не уверена, что нас вообще кто-то ищет! Прошло много лет, бабушка! Люди давно забыли о нашем существовании!

Я попыталась придать голосу уверенность, которой не чувствовала. Статус дочери серийного убийцы и уверенность в настоящем и будущем, по моим наблюдениям, вообще как-то не сочетаются.

Мне было девять, когда отца взяли с поличным. В ту же ночь добрые, но жаждущие какой-то до сих пор непонятной мне справедливости люди забаррикадировали и подожгли наш дом. Нас с бабушкой спас сосед-милиционер. Он же помог сделать новые документы и перебраться из теплого приморского городка в далекие суровые сибирские земли.

С тех пор прошло шестнадцать лет. Нас дважды находили родственники жертв отца. Разумеется, не для мирной светской беседы. Пришлось срочно переезжать, точнее, просто бежать. Люди злопамятны. Когда боль потери заглушает все остальные чувства, месть вполне может стать единственной исповедуемой религией.

Но это было почти восемь лет назад. С тех пор мы переезжали еще несколько раз, чтобы запутать следы. Наше последнее пристанище – маленький, богом забытый поселок Лесогорск в трехстах километрах от Москвы.

Мы живем в этом глухом провинциальном местечке, наполненном ароматом хвои и птичьим гомоном, уже одиннадцать месяцев. Уединенно, тихо, скромно, не привлекая лишнего внимания. Пора бы бабуле успокоиться.

– Дай-то бог! Все равно расслабляться не стоит.

Я раздраженно воздела руки к продолжающему сотрясаться потолку.

– Поздравляю! Ты выполнила свой гражданский долг – напомнила, что я не являюсь нормальным свободным человеком и не могу сделать ни шага, не вздрагивая от малейшего шороха. Довольна? Что-нибудь еще?

– Не злись. – Бабушка примирительно погладила меня по щеке. – Ты не посмотрела в глазок, и я завелась. Я действительно пришла совсем по другому поводу.

Она подошла к открытому окну и нервно закурила.

Я усмехнулась:

– Хочешь, расскажу в деталях, что сейчас происходит с твоими легкими?

– Не забудь напомнить, что мне уже шестьдесят четыре, – буркнула Василиса Аркадьевна.

– Чем могу помочь?

– Ты ведь знаешь, как я отношусь к твоей общественной деятельности.

О да! Еще одна любимая тема.

– Но? – После такого многообещающего вступления обязательно должно последовать «но».

– Но если ты не можешь не заниматься благотворительностью, так хотя бы делай это с пользой.

А вот это уже что-то новенькое.

– Благотворительность не предполагает пользу для того, кто ею занимается. К чему ты клонишь?

Она сделала глубокую затяжку и изящно, словно мыльный пузырь, выдула в окно аккуратную струйку дыма. Прямо в листву мокнувшей под дождем березы.

– У меня небольшие проблемы, если можно так назвать перспективу увольнения. Только не надо снова о возрасте и заслуженном отдыхе. Я в отличной форме, люблю свою работу и скорее умру, чем окажусь на лавочке со старушками, отупевшими от рутины и слюнявых сериалов!

Я невольно улыбнулась, любясь раздумяившейся от праведного возмущения бабулей. В этом она вся: стройная, по-спортивному подтянутая (спасибо ежедневной гимнастике), жизнелюбивая, всегда готовая к активной деятельности. Этого не изменили ни время, ни пережитая трагедия. А возраст – всего лишь дата в паспорте, в ее случае совершенно не информативная.

– Рассказывай, потенциальная пенсионерка, – поддразнила я.

Она болезненно поморщилась:

– Даже не шути так! Рассказываю. К нам в санаторий на днях приехала одна напыщенная столичная фифа. То есть это сейчас она столичная, а раньше была местной деревенской замарашкой. Зато теперь вся в бриллиантах, на персонал смотрит сверху вниз, как на пыль, разговаривает сквозь зубы исключительно приказным тоном и...

– И ты хочешь, чтобы я превратила ее в жабу?

– Поверь, этого у нас уже хотят все, включая главного врача, правда, уволить она обещала пока только меня!

– Чем же ты ей так не угодила?

– Если б я знала! – Бабушка сделала еще две быстрые затяжки и затушила сигарету о край белого цветочного горшка. – Она привезла дочь. Девочку лет двенадцати. У той периодически возникают приступы удушья, особенно в июне. Вот врачи и посоветовали чистый лесной воздух в качестве дополнительной терапии. На момент поступления приступы отсут-

ствовали больше двух недель. Вчера вечером я пришла сделать ей назначенный укол (обычные витамины), у девочки анемия. А она, едва меня увидев, забилась в истерике и начала задыхаться. Это был не просто приступ, ее едва откачали. А сегодня утром, прежде чем смениться, я отнесла девочке градусник. Ты же знаешь, у нас такие правила: утром и вечером пациенты измеряют температуру. Так вот, стоило мне войти в ее номер, все повторилось. Сильнейший приступ удушья! Мать закатила истерику, пообещала прикрыть наш санаторий, а меня потребовала немедленно уволить. Вот такие дела. Самое неприятное – непонятно, почему именно я стала причиной обострения?

– Не знаю, что сказать. – Я действительно не знала. – Может, аллергическая или психологическая реакция?

– Аллергии у нее нет. На рентгеновских снимках патологии легких и бронхов не обнаружено. Вообще, по заключениям специалистов, физически девочка абсолютно здорова. Это подтверждено документально светилами медицины – она с трех лет кочует по лучшим клиникам Европы.

– Значит, остается психология. Возможно, ты напомнила ей кого-то, причинившего боль. Бабушка с очень недовольным видом покачала головой, как много лет назад, когда я не могла решить элементарную, на ее взгляд, задачу.

– Возможно – невозможно! Ты у нас экстрасенс или как? Предположения строить я и сама умею! Мне нужно точно знать, что произошло.

– Я не Ванга, бабуля. На расстоянии не работаю. Мне нужно пообщаться с девочкой, прикоснуться к ней или хотя бы к предмету, содержащему ее ДНК.

– Так и знала, что ты это скажешь. Лови! – изящным движением фокусника она извлекла из кармана пакетик с чем-то синим и бросила мне.

Я машинально его поймала. Это была обычная матерчатая резинка для волос. Вокруг синего круга обвились несколько длинных темных волосков.

– Bravo! Ты украла ее резинку?

– Не украла – одолжила. И не смотри на меня, как учитель на двоечницу! Она на полу валялась – завтра верну.

– Чего ты хочешь? Просто узнать причину? – Под моим испытывающим взглядом Василиса Аркадьевна вдруг смутилась и отвела глаза.

Понятно, грядет очередное «но».

– Э... не совсем. Я тут подумала: ты ведь все равно с утра до вечера лечишь не пойми кого. Надо отдать должное, у тебя это действительно получается.

Я невольно улыбнулась. Последняя фраза была сказана тоном человека, признающего очевидный, но крайне неприятный факт.

– В общем, если девочка вдруг чудесным образом исцелится в стенах нашего санатория, думаю, мамаша забудет о своих претензиях и оставит меня в покое.

– Извини, так не пойдет. Поговори с женщиной, как бы неприятно это ни было, и если она даст добро...

– Не даст! Я уже пыталась. Она сказала... – Бабушка поморщилась. – Не могу повторить: таких слов в словаре Даля нет. Она послала меня и тебя заодно... э... в общем, очень далеко!

– Все равно. Я не могу лечить ее тайком.

В изумрудно-зеленых глазах бабушки вспыхнули хорошо мне знакомые искорки гнева, губы сжались в тонкую прямую линию.

– Почему? Полоумная ведьма Солана вбила тебе в голову, что ты должна помогать всем и каждому во искупление грехов отца. Но это полнейший бред! Ты ничего не можешь изменить. Уверена, ты это прекрасно понимаешь и тем не менее тратишь все силы на других, а мне помочь не можешь?

Я с грустью покачала головой, вспоминая наставления Соланы – мудрой сибирской знахарки, научившей меня, испуганную, закомплексованную девочку с зачатками экстрасенсорных способностей, всему, что я сейчас умею. Да, это она сказала, что мой дар – возможность восстановить нарушенное отцом равновесие. Тогда, будучи ребенком, я ухватилась за эту мысль, как за спасительную соломинку. Но соломинка долго не продержалась, утонула, а я... научилась плавать сама.

Конечно, бабушка права – прошлое не изменить. Никакие самые добрые поступки не вернут жизнь тем, кого убил мой отец. Я все прекрасно понимаю. Просто мне так легче – помогать другим, пропускать через себя чужие эмоции, исцелять чужую боль, чтобы не оставалось ни сил, ни времени на собственную.

– Извини, бабуль, но полоумная ведьма, как ты ее называешь, вбила мне в голову еще кое-что: помогать можно только тем, кто об этом просит.

– Так я ведь прошу!

– Не за себя. Прости, у меня связаны руки.

– Отлично! Меня уволят, а ты и пальцем не пошевелишь, чтобы помочь?

– Успокойся, тебя не уволят. Если девочке стало хуже, мать, скорее всего, поспешит доставить ее обратно под присмотр светил медицины. Ей будет не до тебя, а потом все само уляжется. Я могу лишь попытаться выяснить причину ее последних срывов.

– И что мне это даст? – Она раздраженно отмахнулась.

– Надеюсь, осознание того, что не ты довела ее до кризиса.

Тонкие темные брови угрожающе сошлись на переносице.

– Это мне вряд ли поможет! – Бабушка долго сверлила меня своим особым взглядом, потом раздраженно отмахнулась: – Ладно, действуй.

Глава 2

Я посмотрела на потолок, продолжающий сотрясаться от шума, прикидывая, стоит ли предпринять очередную, заведомо безрезультатную попытку мирных переговоров.

За последние несколько дней в двери семнадцатой квартиры мне приходилось стучать раз десять. Я уже знала поименно всех пятерых рабочих, но найти общий язык не смогла ни с кем. Они ссылались на навязанные заказчиком жесткие сроки и все мои жалобы неизменно игнорировали. Хозяев квартиры, молодую эффектную пару, я видела лишь мельком. Поговорить с ними пока не удалось.

Ладно, воспользуюсь экстренной мерой. Достала из шкафа большие вакуумные наушники. Такие иногда надевают строители крупных объектов в качестве защиты от постоянного громкого шума.

Бабушке не терпелось начать сеанс. В ее глазах светилась надежда, которую мне, к сожалению, не суждено было оправдать.

Через пять минут я сдалась и устало стащила наушники. Почти ничего увидеть не удалось. Грохот сверху, даже приглушенный в десятки раз, мешал сосредоточиться.

– Ну, что скажешь? – нетерпеливо спросила бабушка.

– Ничего особенного. Обычный двенадцатилетний ребенок. Насколько я могу судить, физически девочка здорова. Небольшая анемия не в счет. А значит, за приступы ответственна не физиология, а психология.

Бабушка нахмурилась. Понимаю, это не то, что она хотела бы услышать.

– Это ты уже говорила! Объясни, каким образом ее психология связана со мной?

Я со вздохом откинулась в кресле-качалке.

– Думаю, никаким. На белый халат она так реагировать не могла – медиков девочка видит чаще родителей. А с тобой до первого приступа она встречалась раньше несколько раз. И тогда ничего не происходило.

Василиса Аркадьевна задумалась, вспоминая.

– Точно! Я приносила ей градусник в первый же вечер, потом кефир. Совсем из головы вылетело! Тогда почему...

– Совпадение.

– Что?

– Совпадение, – устало повторила я.

Глубокий транс всегда отнимает много сил, а возобновившиеся строительные работы не оставляли надежды на полноценный отдых.

Бабушка скептически подняла брови и недовольно напомнила:

– Ты ведь не веришь в совпадения!

– Я – нет, но тебе стоит попробовать...

* * *

Она все-таки пришла. Коротенькая красная мини-юбка, крохотный белый топ без бретелек, яркий вызывающий макияж и отчаянная решимость во взгляде. Охотница в полной боевой экипировке. К этому я была не готова.

– Валя?!

– Я ведь говорила, что приду. Ты все сделала?

– Да, то есть... Ты хорошо подумала?

– Ты опять? Ну сколько можно?! – нетерпеливо фыркнула она. – Я приняла решение! Где мой флакон?

Я посторонилась, пропуская девушку в комнату. Она решительно подошла к столу и взяла пузырек. Он по-прежнему стоял на фотографии. Я к нему больше не прикасалась.

– Все готово? – настойчиво повторила Валя.

Я не знала, что сказать. Такого в моей практике еще не было. Что же предпринять? Солгать и предоставить событиям идти своим чередом или...

– Э... Валя, а зачем тебе приворот, вы ведь и так встречаетесь? – Последняя отчаянная попытка перевести стрелки.

Увы, заведомо провальная.

Она одарила меня раздраженным взглядом и неохотно объяснила:

– Он спит со мной пару раз в месяц, когда очередь доходит. За ним ведь бегают толпы местных девиц, а я хочу быть единственной, ясно? И вообще, спасибо за заботу. Ты предупредила меня о последствиях. Все. Тема закрыта!

– Не совсем. Что ты видела во время транса?

Она закатила глаза, словно родитель, уставший от бессмысленных вопросов ребенка, не желающего признавать очевидное.

– То, что ты мне внушила: он превратится в спившегося бомжа, я – в одинокую неудачницу с несложившейся личной жизнью.

Все верно. Один из типичных вариантов действия приворота. Я бы назвала его щадящим, бывает хуже.

– Я тебе ничего не внушала. Это действительно произойдет, если приворот сработает.

Валя упрямо вздернула подбородок, рыжие пружинки локонов красиво заколыхались. Я не могла понять, поверила она мне или нет, зато четко осознала, что все уговоры бесполезны – решения девушка не изменит. Вот уж воистину, любовь зла.

– Пусть так! Это моя жизнь! Я готова нести ответственность!

– А я – нет.

– Что?

– Извини, но речь идет не только о твоей жизни. Я не закончила ритуал и не собираюсь заканчивать.

Ее глаза презрительно сузились.

– Я поняла, ты просто ни черта не умеешь! – презрительно прошипела Валя. – Вот и тянула время. Ладно, я все равно своего добьюсь, вот увидишь!

Валя схватила со стола фотографию возлюбленного, опрокинув флакон с несостоявшимся приворотным, и стремительно выскочила на лестничную площадку. Входная дверь оглушительно хлопнула.

Я вышла следом за девушкой. Она сейчас слишком возбуждена, чтобы контролировать свои действия.

– Валя, подожди!

Девушка обернулась и посмотрела на меня с нескрываемой ненавистью, выплюнув:

– Отвали, шарлатанка!

Через секунду с таким же грохотом захлопнулась дверь подъезда. Позади кто-то одобрительно хмыкнул.

Я обернулась и узнала рыжеволосого рабочего из семнадцатой квартиры – Глеба. Он был главным из пятерки, поэтому именно с ним мне приходилось ругаться чаще всего.

– Какие неблагодарные клиенты пошли, – насмешливо протянул он. – Только не говори, что это мы виноваты. Шум мешает разводить на бабки?

Я одарила его тяжелым взглядом и сердито буркнула:

– Лучше заткнись.

– А то что?

– Козленочком станешь!

Не собираясь продолжать дискуссию, я поспешила скрыться за дверь.

Необъяснимое чувство тревоги заглушило все остальные эмоции. Оно просочилось в мои сны и не отпускало до самого утра.

Мне снилась незнакомая девочка из бабушкиного санатория. У нее было Валино лицо, и она умерла от приступа удушья...

* * *

Новый день не принес облегчения. Тревожное ощущение из сна плавно перетекло в реальность. Оно нарастало, приобретая новые оттенки.

Примерно то же я почувствовала восемь лет назад, перед тем, как нас почти настигли родственники одной из жертв отца, мечтающие о вендетте. Только теперь к тревоге и страху добавилось щемящее ощущение тоски и потери.

Звонок бабушке ничего не прояснил. Не считая негодования по поводу того, что до разрешения конфликтной ситуации ее отправили во внеплановый отпуск, у Василисы Аркадьевны все было в порядке.

Девочка из санатория, по ее словам, также пребывала в добром здравии. Став причиной невольного обострения ее недуга, бабушка просто не могла не названивать сотрудникам и не интересоваться здоровьем маленькой пациентки каждые полчаса.

– Представляешь, с тех пор как я ушла, у нее ни одного приступа не было, – обиженно ворчала бабуля. – Нет, я, конечно, рада, просто...

К обеду я выбралась на прогулку, надеясь, что променад на свежем воздухе поможет расслабиться.

Увы, не помог. Я бесцельно бродила по лесу, наполняя зерном опустевшие за сутки птичьи кормушки. Плеер, включенный на полную громкость, безжалостно терзал слух мотивами хитов отечественной и зарубежной эстрады в стиле рэп и тяжелый рок.

Нет, я не поклонница данного музыкального жанра. Такая музыка хороша тем, что значительно снижает мою природную сверхвосприимчивость, но сейчас и это проверенное средство оказалось неэффективным.

Устав бороться с собой, я отключила плеер и вернулась домой. Да и небо снова неприветливо хмурилось, обещая с минуты на минуту разразиться очередной порцией осадков. Июнь выдался на редкость дождливым.

У дверей моего подъезда высокий молодой брюнет в форме полицейского беседовал с двумя рабочими из семнадцатой квартиры.

Я почувствовала легкий холодок, пробежавший вдоль позвоночника. Неужели кто-то из соседей все же пожаловался на этих возмутителей спокойствия? Было бы неплохо, но... интуиция подсказывала – дело не в них, а во мне.

Они меня тоже заметили.

Один из рабочих, тот, с которым я столкнулась вчера вечером, показал рукой в мою сторону.

Полицейский обернулся и расплылся в широкой неприятной улыбке. Точнее, улыбка была красивой, как и лицо, но и от того и от другого за версту веяло фальшью наспех сбитых декораций. Он мне не понравился.

– Гражданка Мелихова, добрый день. Старший лейтенант Денис Владиленович Громов. Можно с вами побеседовать? – Он показал удостоверение и, оглядевшись по сторонам, добавил: – Не здесь. В каком-нибудь тихом месте.

– Поверьте, здесь как раз самое тихое место в доме. У нас там затяжной, сложный и, похоже, вечный ремонт. – Я мило улыбнулась рыжему.

Тот обиженно надулся в ответ и повернулся к Громову со словами:

– Мы пойдем, работать нужно.

– Секунду. Вы подтверждаете, что видели вчера эту девушку с гражданкой Мелиховой? – Громов сунул ему под нос фотографию.

Глеб криво усмехнулся:

– Да, вчера примерно в начале девятого она выбежала из квартиры гражданки Мелиховой в расстроенных чувствах, – сообщил он, скрываясь в подъезде.

Второй рабочий направился за ним.

Я почувствовала, как горло медленно сжимает спазм, словно чьи-то сильные руки или петля удавки, и выхватила у него фотографию. Изображенная на ней девушка была мне хорошо знакома.

– Валя? Где она? Что с ней?!

– Вообще-то я надеялся узнать это от вас, – хмыкнул Громов. – Последняя запись в ее ежедневнике гласит: «Двадцать ноль-ноль – Злата. Приворот». Что бы это значило?

Я ничего не понимала.

– Подождите, что происходит? С Валею что-то случилось?

– Я тут навел справки. Вы, говорят, ясновидящая. Не думал, что им приходится задавать вопросы. Разве вы не знаете ответы заранее? – съязвил старший лейтенант.

Я позволила себе слегка расслабиться. Он бы не тратил время на бессмысленные шутки, если бы с Валею случилось что-то серьезное.

– У вас неточная информация. Я – не Нострадамус. Где Валя? Зачем вы пришли?

Громов развел руками и театрально вздохнул:

– Сам задаюсь этим вопросом. Я здесь неофициально. Валентина Смирнова не ночевала дома. Утром тоже не появилась, и тетка, у которой она гостила, забила тревогу. Позвонила отцу. Он – капитан полиции, трудится в одном из московских РОВД, связался с моим начальством и попросил все проверить, пока неофициально. Возможно, девица просто где-то с очередным поклонником развлекается. Такое раньше случалось. Судя по слову «приворот», вам должно быть известно его имя.

Я поднесла руку к продолжающему саднить горлу.

– Известно, только...

Вспомнилось перекосившееся от боли лицо Вали из моего сна. Из ее зеленых глаз медленно уходила жизнь.

Я поспешила отогнать негативные мысли. Пророческие сны мне обычно не снятся, к тому же там была не совсем Валя. Плюс вчера она заглядывала в свое будущее, а у человека, с которым случилось непоправимое, его просто нет.

– Может, все же зайдём в помещение? – настойчиво предложил полицейский.

Я механически кивнула и жестом пригласила его следовать за мной.

Как ни странно, наверху было тихо. Мы могли пообщаться в спокойной обстановке.

Войдя в квартиру, Громов по-хозяйски осмотрелся и, не дожидаясь приглашения, плюхнулся в мое любимое кресло-качалку.

– А где же хрустальный шар и метла? – насмешливо поинтересовался он, продолжая оценивающе разглядывать скромное убранство моего жилища.

Мне не понравился нагловатый тон старшего лейтенанта и фактически полное безразличие к выполняемой миссии.

– Хрустального шара нет, метлу одолжила Гарри Поттеру. По поводу Смирновой – найдите Руслана Василенко. Он певец, по вечерам выступает в «Тайне» или на школьных дискотеках. Думаю, Валя собиралась с ним встретиться.

– Думаете или знаете?

– Предполагаю. Она не говорила, что пойдет именно к нему.

«Скорее всего, она до сих пор там. Приводит в исполнение свой собственный план, раз уж я оказалась «шарлатанкой».

– Значит, приворот для него? – Насмешка в его голосе сменилась сарказмом.

Я предпочла не отвечать.

– Лейтенант, вам лучше поторопиться.

Громов поднялся из кресла и, засунув руки в карманы форменных брюк, неторопливо прошелся по комнате.

– Н-да, обстановка небогатая. Кстати, а лицензия на столь специфическую деятельность у вас имеется?

Он попытался приоткрыть дверцу стенового шкафа, я ее тут же захлопнула, едва не прибив его бесцеремонные пальцы.

– А у вас имеется ордер на обыск?

Он поморщился, но руку убрал.

– К чему такие крайности? Мы можем решить все полюбовно.

– Решить что? Разве вы не должны сейчас искать Валентину Смирнову?

Легким пружинистым шагом Громов еще раз обошел комнату и, плюхнувшись обратно в кресло, закинул ногу на ногу. Уходить он явно не собирался.

– Это подождет. Официально поиски не объявлены. Обсудим лучше вашу нелегальную профессиональную деятельность и формы нашего возможного сотрудничества.

«Формы возможного сотрудничества. Так вот в чем дело!»

– Отсутствие лицензии может создать определенные проблемы. А если кто-то из ваших так называемых клиентов, не дай бог, пожалуется, то проблемы будут очень серьезными. Словом...

Я понимающе улыбнулась.

– Словом, мне необходима помощь кого-то вроде вас.

Он вернул мне улыбку.

– А вы и впрямь умеете читать мысли. Значит, мы поняли друг друга? Скажем, пятьдесят процентов за поддержку и юридическую защиту меня бы устроили. Договорились?

Я с трудом сдержала нервный смех. Ого! У меня «крыша» намечается. Правда, хлипкая какая-то: старший лейтенант – не генерал.

Открыла холодильник и принялась выкладывать на стол яйца.

– Вам в пакет или в коробку положить?

Громов непонимающе захлопал ресницами. На удивление длинными.

– Что положить?

– Пятьдесят процентов, – протянула ему яйцо. – Вот мой последний гонорар: двенадцать яиц за травяной настой от бронхита. Похоже, вы плохо представляете себе уровень моих доходов, Денис Владиленович.

Из голубых глаз мужчины мгновенно исчезли насмешливые искорки. Взгляд стал холодным, недружелюбным, угрожающим.

– А вы плохо представляете себе степень моей целеустремленности. – Он поднялся из кресла и подошел ко мне. – Главное – ваше желание сотрудничать, а доходы мы поднимем. Установим стабильные тарифы. Я в курсе, сколько можно с этого иметь.

Он протянул руку и взял яйцо, наши пальцы на мгновение встретились. Перед моими глазами замелькали картинки. Спонтанные, но четкие и... пугающие.

Моя рука дернулась, яйцо упало на пол.

– Что? – Громов вопросительно приподнял правую бровь.

Я завороженно смотрела, как желток медленно растекается по полу. Посередине, словно дыра, зияло неровное алое пятнышко. Кровь зародыша, которому не суждено стать цыпленком.

– Ничего. Не хочу вас задерживать, вы ведь на задании. Ищите Смирнову, а о доходах и тарифах мы поговорим позже.

Полицейский нахмурился, в его голосе зазвучал металл:

– Мне расценивать это как согласие или как попытку потянуть время?

От необходимости отвечать меня избавил телефонный звонок.

Не сводя с меня взгляда, Громов поднес к уху пиликающий мобильник и ответил. Бросив пару отрывистых фраз, он отключил телефон и улыбнулся спокойной холодной улыбкой:

– Ну вот, торопиться больше некуда – ее нашли. Хорошенько подумайте над моим предложением, обещаю, мы очень скоро встретимся.

Что-то в его тоне заставило меня спросить:

– Где Валя? Она с Русланом?

Он улыбнулся шире и бесстрастно сообщил:

– В данный момент она с судмедэкспертом... на вскрытии. Полчаса назад в лесу обнаружен ее труп.

Глава 3

Передо мной материализовалась чашка с дымящимся кофе. Бабушка ободряюще погладила меня по волосам и пробормотала:

– Вот, я как чувствовала что-то неладное, вовремя приехала.

Я раздраженно передернула плечами, отстраняя чашку.

– Зато я ничего не почувствовала, экстрасенс называется. Валя вчера была у меня, я прочитала ей лекцию на тему морали и спокойно выставила за дверь. А через несколько часов ее не стало!

Бабушка опустилась рядом на софу и поднесла к губам чашку с моим кофе.

– Ты не могла этого предвидеть, хотя...

Лучше бы молчала. Это «хотя» меня доконало.

Я поднялась и порывисто подошла к окну. С неба уже срывались первые дождевики, но теплый июньский воздух не принес облегчения. Солнце слепило, отражаясь от стекла.

Я невольно отвернулась. Рассеянный взгляд скользнул по белой в голубую клетку ска-терти и зацепился за злополучный флакончик – он по-прежнему лежал на столе. В памяти снова всплыли события вчерашнего вечера.

– Но как это возможно? – пробормотала я. – Вчера, когда Валя приходила, я показывала ей будущее. Она расстроилась.

Бабушка сразу забыла о кофе и напряглась.

– Думаешь, она видела то, что должно случиться?

– Да! Но через несколько лет, а не через несколько часов, понимаешь?

– Пока не очень, – призналась Василиса Аркадьевна.

– Вот и я не понимаю. – Я нервно прошлась из угла в угол. – Валя точно видела свое отдаленное будущее. В нем она была несчастна, одинока, но жива. Как такое возможно?!

Мой взгляд снова остановился на флаконе. А вот и ответ.

Я как подкошенная рухнула в кресло.

– Приворот! Она видела то, что ожидало ее в случае воздействия приворота. Но его не было, в результате сложилась другая ситуация с иным будущим, точнее, без него. Черт! Если бы я сделала этот проклятый приворот, она была бы жива!

Бабушка с тревогой наблюдала за моими метаниями.

– Злата, не преувеличивай, ты не господь бог! И не можешь влиять на чужую судьбу. Это невозможно!

– Очень даже возможно, будущее не статично. Его может изменить любая нестандартная ситуация.

Бабушка упрямо покачала головой.

– Какие-то отдельные моменты, пожалуй, но не смерть! Если человеку суждено утонуть – от рака он не умрет. – Она понизила голос, и в привычном шуме строительных работ я едва расслышала вопрос: – А Валя... Как она? Как ее? Ну, ты поняла...

В голове отчетливо прозвучала небрежно оброненная Громовым фраза: «Тело с признаками насильственной смерти обнаружено в лесу, неподалеку от ночного клуба «Тайна».

По коже пробежал неприятный холодок, кулаки сжались в бессильном отчаянии.

– Как ее убили? – Я не собиралась понижать голос. Какой в этом смысл?

Бабушка вздрогнула.

– Да, тот полицейский не говорил?

Я вспомнила холодную улыбку Громова. Сообщая о смерти Вали, он даже не потрудился изобразить хоть какое-то участие.

– Говорил, ее... задушили.

Бабушка поднесла ладонь к тонким губам, едва тронутым тонким слоем яркой помады.
– Господи! Бедная девочка! Бедные родители! Какой зверь мог...

Она осеклась, бросив на меня виноватый взгляд. Не нужно было читать ее мысли, чтобы понять, о чем, точнее, о ком подумала Василиса Аркадьевна. Зверь – второе имя моего отца. Правда, он предпочитал нож, а не удавку.

– А кто это сделал, известно?

«Зверь, ты же сама сказала!»

Я едва удержалась от колкого выпада.

«Спокойно, Злата, возьми себя в руки».

– Если и известно – мне не сказали. Но... попытаюсь выяснить.

Я снова посмотрела на пустой флакончик. К сожалению, воды с Валиной кровью в нем не осталось. Ничего другого у меня нет. Значит, придется навеститься в морг.

Я невольно поежилась, представив последствия визита. Ненавижу посещать подобные места. В них накапливается слишком много негатива: остатки чужой боли, страха, отчаяния. Все, что когда-либо чувствовали люди, опознающие и забирающие тела родных и близких, обрушится на мою несчастную голову. Приятного мало.

И почему придется? Я не обязана этого делать. Меня никто не просил, в конце концов!

В памяти зашелестела листвой огромная роскошная ива, росшая за нашим домом много лет назад. Именно под ней обнаружили тело одной из жертв отца – молодой женщины с длинными светлыми волосами. Я, девятилетняя, тогда забралась на окно и целых две минуты, пока бабушка не прогнала, замороженно наблюдала, как ее извлекают из раскопанной ямы. Некогда белокурые волосы забились землей и казались серыми. Но желтое платье покрывали яркие темно-бурые пятна, даже пыль и грязь оказались бессильны изменить цвет крови...

Увы, в морг идти все же придется. Шестнадцать лет назад я ничего не могла сделать, а сейчас могу хотя бы попробовать. Конечно, Валю уже не вернешь, но *зверя* нужно остановить!

* * *

Еще меньше, чем посещение морга, меня вдохновляла перспектива новой встречи со старшим лейтенантом Громовым. Увы, ее точно было не избежать. Во-первых, в морг без соответствующего разрешения меня просто никто не пустит, а во-вторых, в глубине души я надеялась, что убийцу уже поймали.

В крохотном и тесном полицейском отделении Лесогорска меня встретил пожилой мужчина в униформе. Он явно был моложе бабушки, но выглядел намного старше своего возраста. Представившись капитаном Синицыным, он поинтересовался целью моего визита.

Я с самым честным видом сообщила, что меня вызвал Громов по делу Валентины Смирновой. Это не было выдумкой, лейтенант ведь обещал, что мы еще встретимся.

Услышав имя коллеги, Синицын презрительно поморщился (видимо, не только у меня тот не вызывал теплых чувств) и объяснил, как найти нужный кабинет.

Узенький тесный коридор вызвал в памяти чьи-то сетования о том, что на весь Лесогорск приходится одно отделение полиции, в котором трудятся всего шесть человек! Учитывая, что в поселке, являющемся к тому же районным центром, проживают двадцать тысяч человек, – жалобы вполне обоснованны.

Кабинет Громова был последним по коридору. Я постучала в серую с облупившейся краской дверь без таблички и вошла, не дожидаясь ответа.

Старший лейтенант был не один. Напротив его стола сидел бледный поникший парень.

Я с трудом узнала в нем звезду местных дискотек – Руслана Василенко.

Громов на мое появление отреагировал быстрым, едва заметным движением бровей, а Руслан вообще не обратил внимания. На его лице застыло странное отсутствующее выражение, а блуждающий взгляд выдавал неадекватность хозяина.

Что с ним такое? Неужели Валя для него так много значила?

– Какие люди! – хмыкнул Громов. – Не ожидал увидеть вас так скоро, Злата Романовна. Чем обязан? Подумали над моим предложением?

– Пыталась – не получается. Неизвестность мешает думать. – Я покосилась в сторону Руслана. Он по-прежнему никак не реагировал на мое присутствие. – Что с ним?

Громов откинулся в кресле, скрестив руки на груди.

– Алкогольное опьянение, возможно, наркотики. Результаты анализов еще не готовы.

Я снова перевела взгляд на бледного заторможенного парня. Теперь понятно, почему он похож на свою тень.

– Он что-нибудь знает о том, что случилось с Валей?

Громов усмехнулся и покачал головой, заявив:

– Нет, Злата Романовна, так мы точно не договоримся. Отвечать на ваши вопросы я буду, только когда вы ответите на мой, причем утвердительно.

– Он нас слышит? – Я кивнула в сторону Руслана.

– Это тоже вопрос.

Вот ведь... Я картинно вздохнула:

– Просто не хотелось бы обсуждать... э... формы нашего возможного сотрудничества в присутствии посторонних.

– Вы застали меня врасплох. Сейчас я немного занят. – Громов кивнул в сторону Руслана. – Хотел поболтать с парнем, пока тот не оклемался и не привел адвоката.

– Адвоката? – Я подошла ближе и осторожно тронула певца за плечо. – Руслан, привет, это Злата. Ты меня слышишь?

Парень поднял на меня мутные глаза, видимо, рефлекторно отреагировав на звук, но взгляд оставался пустым и отсутствующим. Его тело мелко дрожало под моей ладонью. Никаких зрительных образов, никаких эмоциональных всплесков – никакой информации от этого контакта я не получила. Так бывает, когда сознание человека отравлено наркотическим дурманом. Даже мне сквозь него не пробиться. Точнее, пробиться можно, вот только отличить реальные переживания от образов, порожденных опьянением, вряд ли удастся.

– Вы и с ним знакомы, – с непонятным мне удовлетворением отметил Громов.

– Лесогорск – маленький поселок, Денис Владиленович. Так зачем Руслану адвокат?

– Он последний, кто общался с живой Валентиной Смирновой. Свидетели видели их вместе прошлой ночью. И, по их словам, он уже тогда был неадекватен.

– А что еще они видели?

Громов продолжал ухмыляться.

– Увы, как он ее душил, они не припомнят, но прошлой ночью было очень темно.

Мне стало не по себе. Да ведь этот оборотень в погонах уже все решил! А если так – Руслану не отвертеться.

Я перевела взгляд на парня. Мог ли он задушить девушку? Не знаю, и пока он в таком состоянии – узнать не смогу.

– Вернемся, так сказать, к нашим баранам, Злата. – Меня неприятно удивила его фамильярность. Вот, я уже и просто Злата, глядишь, к концу фразы мы и на «ты» перейдем. – Вам повезло, что последним с погибшей видели именно его.

Громов встал из-за стола и, небрежно ткнув пальцем в Руслана, словно в неодушевленный предмет, медленно подошел ко мне.

– Иначе вы тоже оказались бы в числе главных подозреваемых.

– Каким образом?

– Сосед слышал, как вы ссорились. Девушка обвинила вас в шарлатанстве.

– За это не убивают. – Не то чтобы я так думала, скорее хотела верить.

Громов нетерпеливо отмахнулся.

– Поверьте, убивают и за меньшее. У вас есть алиби на прошлую ночь? – Голубые глаза насмешливо блеснули: – Видимо, нет. Расслабьтесь, Злата. Это просто пример. Вам нечего бояться, особенно если мы договоримся. Мое покровительство даст вам много преимуществ, а взамен я прошу лишь шестьсот долларов в месяц. Делаю скидку на провинциальность, в Москве я имел с этого гораздо больше.

Я медленно кивнула. В памяти замелькали недавно увиденные неприятные картинки с участием Громова.

– Точно, там вы требовали полторы тысячи. Но однажды Мериам отказалась платить, помните, лейтенант?

Брови мужчины медленно поползли вверх, и непроницаемая маска на мгновение уступила место растерянности. Он мазнул по мне странным нечитаемым взглядом, подошел к Руслану и молча вывел его в коридор, передав кому-то из сотрудников. А когда вернулся, выражение его лица снова было бесстрастным.

– Мериам сделала большую ошибку, – холодно улыбнулся Громов, ощупывая меня испытывающим взглядом. – Она оказалась недальновидной. Предсказывала по картам чужое будущее, а свое разглядеть не смогла.

– В итоге ее осудили за хранение и распространение наркотиков, к которым она на самом деле никогда не прикасалась. – Я вернула ему улыбку.

В голубых глазах Громова мелькнула настороженность.

– Вот как? А суд решил иначе.

– Конечно, никто ведь не знал, что наркотики ей подложили вы.

– Никто, кроме вас? – с ленивой усмешкой уточнил Громов. – Как видите, со мной действительно лучше не ссориться.

– Со мной тоже.

Его брови снова подскочили вверх, в голосе снова лязгнули металлические нотки:

– Вы мне угрожаете?

– А вы – мне? – не удержалась я.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Я – с нескрываемой неприязнью, он – с непроницаемым выражением лица.

– Как вы узнали о Мериам? – наконец поинтересовался мужчина.

– Я ведь ясновидящая, как вы сами неоднократно упоминали.

Он усмехнулся и недоверчиво покачал головой.

– Ясновидящие не задают десятки вопросов, они сразу видят ответы, разве не так?

– Я вижу только то, что на поверхности. Утром вы мысленно перебирали способы надавить на меня сильнее, чтобы добиться своего, и поэтому вспоминали Мериам.

Его лицо оставалось непроницаемым, но в голосе зазвучали угрожающие нотки:

– Что еще было на поверхности?

Я помолчала, взвешивая варианты ответов. Он не из тех, кто адекватно воспринимает критику в свой адрес, хотя, судя по тому, что я увидела даже мельком, ничего другого не заслуживает. Стоит ли выкладывать все козыри?

– Еще одно имя – Антон Сабельников. Вы поторопились закрыть дело, сфабриковав улики. Но суд не оценил ваших усилий и оправдал обвиняемого, в результате перспективный сотрудник Следственного комитета стал рядовым участковым.

Взгляд Громова стал задумчивым.

– О Сабельникове в газетах не писали, как вы...

– Разумеется, ваш отец сделал все, чтобы избежать огласки.

Голубые глаза презрительно сощурились.

– Разумеется. Его хобби – спасать репутацию семьи, а мое – портить. Досадно, что я оказался настолько поверхностным. Что еще интересного вы обо мне узнали?

Угроза в его голосе трансформировалась в предупреждение: «Свидетели долго не живут».

«Много чего», – мысленно буркнула я, а вслух сказала:

– Пока все. Чтобы узнать о человеке больше, мне нужно прикоснуться к нему и хорошенько сосредоточиться.

В голубых глазах мелькнуло недоверие, Громов напрягся и, могу поспорить, с трудом поборол желание отступить подальше.

– Ладно, допустим, вы действительно можете проворачивать фокусы, вроде чтения мыслей. Тогда наша задача упрощается. На этом можно очень хорошо зарабатывать. Мое предложение в силе, а вы...

– А я хочу сделать вам встречное.

Его брови сошлись на переносице.

– Я не торгуюсь, Злата. Больше можно, меньше – нет. От вас требуется принять мои условия, а не выдвигать свои. В противном случае...

– Что? Подставите меня, как Мериам?

Я не боялась его, и все же под ледяным взглядом Громова мой голос невольно дрогнул и прозвучал не так естественно, как хотелось бы. В памяти снова всплыли обрывочные воспоминания старшего лейтенанта, невольно подсмотренные мной. Особо опасен – вот его исчерпывающая характеристика. Такому лучше не перечить.

Он улыбнулся одними губами и холодно заметил:

– Не люблю повторяться. Придумаю что-нибудь другое, и можете не надеяться, что отложу на потом. У меня нет врагов, которые дышат в затылок, не потому, что я избегаю конфликтов, а потому, что сразу уничтожаю противника... морально, – добавил он, криво усмехнувшись. – Так каким будет ваш положительный ответ?

– Я не буду перестраивать свою работу и навязывать людям заоблачные цены, но могу предложить вам кое-что другое. Ночной клуб «Три кита» с подпольным казино. Вам это о чем-нибудь говорит?

Его брови снова подскочили вверх, на этот раз заинтересованно.

– Это тоже было на поверхности? Да, я иногда его посещаю, и что?

– Скажем, раз в месяц я могла бы организовать вам выигрыш, равный нужной сумме. Такой вариант устроит?

Несколько минут он разглядывал меня с задумчивым видом, затем медленно кивнул:

– Пожалуй, стоит попробовать. Мне без разницы, откуда деньги, лишь бы они были. В субботу и начнем.

Я механически оглянулась на календарь, сегодня четверг.

– Значит, договорились?

– Договоримся в субботу. – Громов хищно улыбнулся. – Если результат меня устроит.

Лично я до субботы ждать не собиралась.

– Устроит, не сомневайтесь. А мне хотелось бы извлечь выгоду из нашего сотрудничества прямо сейчас.

– Каким образом? – Он не скрывал удивления.

– Мне нужно увидеть Валю... то, что от нее осталось.

– Зачем?

– Я ведь не спрашиваю, зачем вам деньги, лейтенант.

– Деньги, которые я еще не получил, – язвительно напомнил полицейский. – Впрочем, ладно, это даже интересно. Идем.

Игнорируя его удивленно-насмешливый взгляд, я натянула наушники и включила плеер на полную громкость.

Несмотря на эти меры предосторожности, уже на пороге морга меня буквально пригнула к земле тяжесть скопившегося здесь негатива. Захотелось изо всех сил сжать гудящую голову ладонями и бежать прочь, вместо этого пришлось стиснуть зубы и идти вперед.

Не знаю, что сказал Громов медсестре и судмедэксперту, но через минуту мы остались одни, если, конечно, не считать усопших.

– Она там. – Громов безучастно кивнул в сторону стола, на котором лежало нечто накрытое изжелта-белой застиранной простыней.

Глава 4

Я отключила плеер и медленно подошла к телу. Из-под простыни выглядывала рука девушки. В глаза бросился вызывающе яркий маникюр и колечко с крохотным бриллиантом – подарок отца на выпускной.

Громов с ленивым безразличием наблюдал за мной, прислонившись к стене.

– К сожалению, не могу избавить вас от своего присутствия, – сухо произнес он. – Не положено, а то вдруг какие-нибудь органы для своих ритуалов прихватите.

– Зачем же мне мертвые органы, для жертвоприношения годятся лишь живые существа! – огрызнулась я, дотрагиваясь до Валиной ладони. Она была холодной и сухой. – Засеките время, лейтенант. Через пять минут вы выведете меня из транса.

– А если...

– А если не захотите или не успеете, я могу не вернуться и в казино с вами, соответственно, не пойду.

– Не вернуться откуда? – недоверчиво переспросил он, но мое сознание уже подключилось к Валиной ДНК.

Клеточная память этого хромосомного набора – своего рода уникальная база данных, в которой записаны все события, когда-либо происходившие с человеком. С такой «базой» работать предпочтительнее, но в принципе подойдет любая частичка человека, даже не содержащая ДНК, например ногти и волосы без луковицы. Просто в этом случае значительно увеличивается расход моей энергии.

В момент смерти, как и за пару часов до нее, Валя была пьяна. Это я поняла по головокружению и характерной пелене, возникшей перед глазами. Пелена была плотной и застилала не только зрение, но и сознание. Увидеть удалось немного.

Я почувствовала злость и обиду, охватившую девушку в какой-то момент. Видела разорванный документ, похожий на медицинское заключение ультразвукового исследования. Затем перед глазами встало перекошенное от ярости лицо Руслана, за этим последовала острая вспышка боли на щеке – пощечина. Валя упала и ударилась затылком о край стола. А потом... потом меня обступила темнота, и шею обхватило тонкое шершавое кольцо удавки, я начала задыхаться. Пальцы тщетно цеплялись за что-то узкое, жесткое и по ощущениям матерчатое, пытаясь освободить сдавленное горло, но тот, кто стоял позади, был сильнее.

Воздуха становилось все меньше.

Я захрипела, перед глазами замелькали яркие расплывающиеся разноцветные пятна.

Все кончилось так же внезапно, как и началось. Я открыла глаза и закашляла, с трудом удерживая равновесие. Сфокусироваться на предметах удалось не сразу: перед глазами все расплывалось. Шея болела, дыхание оставалось неровным и прерывистым. Рядом стоял Громов.

– Впечатляет. Очень артистично, – протянул он ровным голосом. – И... что это было?

– Валя была беременна? – спросила я вместо ответа.

Он сверился с заключением эксперта.

– Нет, а почему...

– Спасибо за помощь, лейтенант, встретимся в субботу! – Я снова включила плеер и, махнув на прощанье недовольному полицейскому, поспешила покинуть морг.

* * *

Дома меня, конечно же, встретила взволнованная бабушка с вопросом:

– Ну как? Ты что-нибудь выяснила?

– Пока не поняла. – Я устало плюхнулась в любимое кресло. – В момент смерти Валя была пьяна. Поэтому все, что я видела, скорее всего, ничего не значит: алкоголь здорово искажает восприятие.

– А что ты видела?

Я помолчала, вглядываясь в знакомый пейзаж за окном.

– Немного... он ударил ее.

Бабушка, которая, пусть и поверхностно, знала обоих «героев» трагедии, схватилась за голову и запричитала:

– Значит, это все-таки Руслан?! А с виду такой приличный молодой человек! Да еще к тебе несколько раз приходил.

– Бабуль, не заводись.

– Но он убил эту бедную девочку, ты же сама видела!

Ничего себе вольная интерпретация моих слов!

– Стоп! Я видела, как он ее ударил – не больше. А еще видела заключение гинеколога и ультразвуковое исследование по поводу беременности.

Бабушка перестала метаться по комнате и, как подкошенная, рухнула на диван:

– Боже! Валя была беременна?!

– В том-то и дело, что нет. Поэтому в данном случае моим видениям доверять не стоит.

Я невольно прикоснулась к шее, вспомнив жуткое саднящее ощущение затягивающейся удавки. Это уж точно не пьяный бред, ее задушили. Кто и как – я не видела. Возможно, что и сам Руслан, он ведь тоже был сильно пьян и, похоже, очень рассержен. Но с бабушкой такими рассуждениями делиться точно не стоит. Не сейчас.

В дверь позвонили. Василиса Аркадьевна поднялась, остановив меня царственным жестом:

– Сиди! Я сама. Ты же опять в глазок не посмотришь.

Через секунду она буквально ворвалась обратно с безумным выражением лица и громко прошептала:

– Господи, это она! Куда мне спрятаться?!

Я ничего не поняла.

– Кто она?

– Та кикимора из санатория! Из-за которой меня чуть не уволили. Ты меня не видела и вообще – меня здесь не было!

Бабушка скрылась в соседней комнате, шикнув на прощанье:

– Чего застыла, открывай!

– Зачем?

Она с недовольным видом выглянула из-за двери:

– Как зачем?! Такой шанс узнать, что у нее на уме, и избавить меня от неприятностей!

Я нахмурилась, сложив два плюс два:

– Так этот визит – твоих рук дело?

Она нервно передернула плечами.

– Я же рассказывала, что предлагала ей навестить тебя еще в начале нашего, гм... конфликта. Тогда она, мягко говоря, отказалась, а теперь, наверное, передумала. К тому же я попросила кое-кого в санатории порекомендовать твои услуги. Ну чего стоишь – открывай!

Звонок продолжал настойчиво тренькать. Бабушка повелительно указала на входную дверь и скрылась из вида.

Я неохотно поплелась в прихожую. Все мысли занимало случившееся с Валею, встречаться с незваной гостьей не хотелось.

За дверью стояла элегантная молодая женщина с огромными глазами цвета самых синих васильков и коротко стриженными черными волосами. На ней были обычные серые джинсы и

голубая водолазка. Образ дополняли минимум косметики, тонкая цепочка и пара неброских колечек на руке.

Портрет, нарисованный бабушкой, настолько не совпадал с действительностью, что я не смогла скрыть удивления. Неужели это и есть та самая злобная, усыпанная бриллиантами «кикимора»? А может, родственница обозналась? Хотя со зрением у бабули до сих пор все было в порядке.

– Добрый день, вы ко мне?

– Да, если вы – та самая Злата. – В ее голосе проскользнуло плохо скрываемое пренебрежение. – Мне говорили о ваших гм... неординарных способностях.

– Да, я о них тоже наслышана. Входите.

Девушка переступила порог и оценивающе осмотрелась.

Я провела ее на кухню.

– Присаживайтесь. Чем могу помочь?

Она долго приглядывалась к простому деревянному стулу, прежде чем соизволила величественно опуститься на самый его краешек.

– Сначала проясним ситуацию. Я не собираюсь платить за дешевые фокусы вроде карточных гаданий. Вы должны доказать мне свои способности. Расскажите о моем прошлом. – С каждым словом пренебрежение стремительно перерастало в надменность.

Увы, бабушка не ошиблась – точно кикимора.

Ладно, сама напросилась. У таких особ прошлое скучным не бывает. И в транс входить не придется – она не из тех, кто может долго контролировать мысли и эмоции.

– Вообще-то я никому ничего не должна, но если настаиваете... дайте руку.

Она осторожно протянула ухоженную ладонь с красивым акриловым маникюром. На хорошеньком лице обозначилось скептическое выражение.

Теперь понятно, зачем она так неброско вырядилась – меня проверяет. Ладно, приступим...

На третьем имени, с описанием подробностей последней, кстати, совсем недавней романтической встречи, она сдалась и резко отдернула руку. Вероятно, это далеко не полный список. Неужели муж не догадывается?

– Доказательства приняты?

Она ничуть не смутилась, только выражение лица стало еще более неприятным и надменным.

– Допустим. Но ты никому ничего не скажешь, дорогуша. Собирайся, поехали!

Я поморщилась. Не люблю фамильярность, поэтому ответила тем же:

– Когда это мы успели перейти на «ты»? Никуда я с тобой не поеду – другие планы, извини, дорогуша.

В синих глазах сверкнуло такое! Женщина стала похожа на пантеру, приготовившуюся сбить жертву одним прыжком. Не прыгнула и даже не зарычала. Напротив, назвала очень симпатичную круглую цифру и достала из сумочки несколько купюр приятного зеленоватого цвета.

– Это задаток. Если поможешь моей дочери, получишь остальное.

Не спрашивая разрешения, она закурила и нервно продолжила:

– Физической причины ее болезни врачи не находят, считают – проблема психологического характера. Какая-то травма, пережитая в детстве. Ты сможешь это увидеть?

Я пересчитала деньги. Неплохо – и на холодильник хватит, и на квартплату останется. И это только задаток.

– Попробую.

– И не вздумай меня шантажировать. – Металлические нотки в высоком голосе неприятно резанули слух, вызвав ассоциации с Громовым. – Мужа моя личная жизнь давно не

интересует, но он человек известный – огласки не допустит, тебе же хуже придется. Теперь поедешь?

– Да, планы изменились. Я такая непостоянная.

Деньги я убрала и в случае неудачи возвращать не собиралась. Это плата за расход энергии, а ее, похоже, придется потратить немало.

Уже выходя из квартиры, я поймала себя на мысли, что чего-то не хватает.

Ах да, непривычная тишина. Никаких звуков ремонта с момента моего возвращения из морга. Что бы это значило? Неужели закончили?!

* * *

Она не была похожа на болезненного, с детства скитающегося по больницам подростка. Да и вообще на подростка не походила. Слишком серьезный взгляд – обреченный и смиренный одновременно. И никаких признаков вызывающего бунтарства, свойственного переходному возрасту. Здоровый румянец на щеках и крепко сбитое, но еще не начавшее преобразовываться в женские округлости тело двенадцатилетней девочки с этим взглядом совсем не вязались.

Она сидела посреди разобранной постели в ярко-розовой пижаме и разглядывала меня. Без страха, без интереса, без доверия. Привыкла, что родители постоянно приводят новых врачей. Приводят, но... ничего не меняется.

Мама (по дороге выяснилось, что ее зовут Алина Шолохова) присела рядом с девочкой и стала что-то тихо ей шептать. Надменное выражение мгновенно исчезло с ее лица. Холёные ладони нежно перебирали спутанные локоны девочки, голос звучал мягко и ласково. Поразительно, как любовь преобразует самого неприятного человека.

Наконец меня пригласили подойти. Алина пересела в кресло у окна.

– Я останусь. Можешь начинать.

– Привет, Галя, меня зовут Злата. – Я присела рядом с девочкой.

Она машинально отодвинулась и тихо спросила:

– Это из-за волос?

– Что?

– У вас волосы золотые.

– А... да, из-за них. – Не объяснять же ей, что имя ненастоящее. – Я попробую выяснить, что с тобой происходит. Хорошо?

В карих глазах мелькнула настороженность, девочка напряглась и тихо уточнила:

– Как?

– Просто подержу тебя за руку.

Она невесело улыбнулась:

– Ясно, вы тоже экстрасенс. Меня уже осматривали несколько...

Мне вдруг стало неловко от этих слов, вернее, от того, каким тоном они были сказаны. Мол, делайте что хотите, я привыкла, и не расстраивайтесь, когда ничего не получится.

А вдруг действительно не получится? Я ведь уже сканировала организм Гали с бабушкиной подачи. И ничего необычного ни в физиологии, ни в психологии тогда не заметила. Почему сейчас должно получиться?

Ладно, отступить поздно, да и некуда.

Я напомнила Алине о времени (надеюсь, ей хватит если не человеколюбия, то благоумия вывести меня из транса) и взяла теплую руку девочки в свои ладони...

Самый верный путь выяснить причину приступов – вернуться в момент последнего, именно это я и сделала, слившись с сознанием девочки.

Вечер, палата в санатории – эта самая. Галя читает книгу «Гарри Поттер и кубок огня». Открывается дверь, входит моя бабушка в форменном белом халате. Она принесла градусник.

Подходит ближе, передает девочке. Галя берет градусник, поднимает глаза. Взгляд скользит по лицу бабушки, по ее халату, цепляется за бейдж с именем, и сознание ребенка начинает стремительно тонуть в нахлынувшем потоке дикого животного страха. Дальше – темнота, невнятные крики (чьи – непонятно, слов не разобрать) и уже привычная боль от сдавившей шею удавки. Пальцы цепляются за что-то холодное, вероятно, резиновое, пытаюсь освободиться – тщетно. Воздуха в легких почти не осталось, сознание уплывает, я падаю. Последняя деталь, выхваченная из той реальности угасающим взглядом: лежащий на полу белый медицинский халат и бейдж с именем «Василиса Зайцева»...

Темнота отступала медленно и неохотно. Когда она рассеялась, я увидела рядом Алину со стаканом воды, Гали в палате не было.

– Она испугалась? – с трудом выдавила я.

Голос был хриплым, горло болело.

– Конечно, испугалась! – возмутилась Алина. – Такого спектакля нам еще никто не устраивал! Неужели нельзя было обойтись без него?

– Без него – значит, без меня. Я ведь предупреждала. Как девочка? У нее признаков удушья не было?

– Нет, но она напугана! – злилась Алина. – Надеюсь, это было не зря! Удалось узнать, что с моим ребенком?

Я взяла у нее стакан и приложила к ноющей от боли шее. Холод стекла приятно обжег кожу. Перед глазами замелькали обрывки увиденного в транс: разрозненные кусочки мозаики, которые никак не складывались в целую картинку.

– Пока не знаю. Скажите, с Галей никогда не случалось ничего... гм... необычного? Ее никто не обижал, не похищал? Только честно.

Изумление в синих глазах женщины было неподдельным.

– Обижал?! Похищал?! Господи! Нет, конечно! Она у нас с рождения как в оранжерее, ей никто слова грубого никогда не сказал! Что за бред?

Либо она говорит правду, либо сама многого не знает.

– Когда впервые появились приступы?

– Да почти сразу, годика в три.

– А среди ваших знакомых нет Василисы Зайцевой?

– Нет. – В ее глазах блеснуло раздражение. – Я знаю только одну Василису – твою странную родственницу. Так что с моей Галей?

Хороший вопрос. Жаль, ответить мне пока нечего. Сейчас я знаю только одно: физически девочка не больна. Приступы – проявление... как бы это лучше сформулировать?

Сформулировать не получилось. Галю никто никогда не душил, тем не менее в каждом приступе она переживает именно это – медленную агонию от рук убийцы, затягивающего петлю. А спровоцировал последний приступ бейдж с именем Василисы Зайцевой, потому что он был последним, что видела... видел кто-то перед тем, как умереть от удавки.

Бред какой-то! Это никак не могла быть Галя. Тогда что же я видела?

* * *

Возле дома меня ждал сюрприз. Напротив подъезда стоял большой грузовик, украшенный какими-то затейливыми фирменными логотипами с многообещающим названием «Шик и блеск». Рабочие из семнадцатой квартиры ловко извлекали из его фургона обернутые бумагой квадраты и прямоугольники самых разных размеров.

Я не сразу сообразила, что происходит, – голова ощутимо кружилась, а в памяти еще проигрывались картинки последнего трансa, мешая настроиться на текущую действительность.

Рыжеволосый Глеб, поравнявшись со мной, подмигнул и сказал:

– Поздравляю. Ремонт окончен, мы съезжаем. Вот только мебель соберем, и все – хрустальный шар будет работать в прежнем режиме!

– Какая жалость, мне будет вас не хватать, – буркнула я, изо всех стараясь на нем сфокусироваться. Видимо, получилось не очень.

Он презрительно хмыкнул и скрылся в дверях с тремя большими коробками. А я вместо логичного облегчения от такой в целом приятной новости почему-то почувствовала необъяснимую тревогу.

Разумеется, бабушка меня дожидалась. А так хотелось уединения. Мне необходимо было самой разобраться в случившемся, без вот этого ее:

– Ну, как? Что узнала?! Рассказывай!

К тому же общее состояние организма тоже оставляло желать лучшего. Погружение в «непонятно куда» далось нелегко, как физически, так и морально.

– Пока ничего. Галя – на редкость здоровый ребенок.

– А как же...

– Бабуль, я ужасно устала, давай позже все обсудим.

Она прекрасно знала, как много сил отнимают глубокие трансы. Поэтому не стала настаивать и неохотно удалилась, а я несколько минут просто бесцельно слонялась по квартире, совершенно опустошенная.

Тому, что произошло полчаса назад, пока нашлось лишь одно вразумительное объяснение – транквилизаторы или другие медикаментозные препараты. Наверняка они сейчас циркулируют в крови Гали, отсюда сбой восприятия. Это как с алкоголем. Надо уточнить, что именно ей кололи или давали накануне.

Это на первый взгляд вполне логичное объяснение не избавило от сомнений в собственной компетентности. Может, не с девочкой, а со мной что-то не так? Вдобавок непривычная тишина вместо облегчения продолжала вызывать беспокойство.

Глава 5

Решив заварить кофе, я открыла шкаф. Баночки с растворимым порошком там не оказалось, зато лежали деньги.

Я торопилась, когда уходила с Алиной, вот и сунула их сюда. Теперь банкноты лучше перепрятать в ящик стола, туда, где лежат документы. Он запирается.

Я достала ключ и замерла от резкого, буквально придавившего к полу ощущения тревоги.

Да что же это? Неужели до сих пор «штормит» после транса? Хорошо бы, но, увы, я не настолько везучая.

Медленно открыла ящик. Вот оно! Мое свидетельство о рождении раньше лежало на самом дне, а сейчас оно почти сверху. Уголок небрежно выглядывает из-под диплома фельдшера, полученного в одном из сибирских медучилищ.

В остальных документах все данные изменены, но от старого свидетельства я избавиться не решилась. Просто это единственное, что осталось в моей жизни настоящего. Все остальное – иллюзия, маски, роли. Чужие дома, чужое имя, а вот теперь кто-то узнал настоящее!

Я взяла в руки свидетельство. Есть ощущение прикосновения чьих-то рук, но ничего определенного считать не удалось. Успешно «сканировать» предметы у меня получается не всегда. Для положительного результата незванный посетитель должен был держать документ в руках не меньше часа.

Добрела до домашнего телефона и набрала бабушкин номер.

Она ответила сразу, словно тоже умела читать мысли и предвидела мой звонок, ожидая возле телефона:

– Ты передумала? Мне вернуться?

– Нет. Скажи, вчера или позавчера, пока меня не было, ты пускала кого-нибудь в квартиру?

Я кожей почувствовала ее возмущение.

– Нет! Как ты могла подумать?!

– Успокойся, может, это был кто-то знакомый?

– Исключено! – отрезала бабушка. – За кого ты меня принимаешь? Пустить незнакомого человека в твой дом! Я что, спятила, по-твоему?! Э, правда, несколько дней назад заходил мальчик из семнадцатой... Они нам проводку повредили, когда что-то там у себя наверху делали, а он пришел и все исправил. Но ты не думай, я с него глаз не спускала.

Вот как! Значит, все-таки из семнадцатой!

– А почему ты спрашиваешь? В чем дело, Злата? – В голосе бабушки набатом зазвучала тревога.

Я заставила себя говорить естественно:

– Ничего, просто пришла и почувствовала чужое присутствие. Показалось, наверное.

Ох, зря я это сказала, сейчас примчится, поднимет панику. К счастью, ее бдительность, похоже, дала слабину.

Бабуля не услышала в моих словах ничего угрожающего и только неодобрительно проворчала:

– Скажешь тоже, чужое присутствие! У тебя каждый день в доме посторонние. А сегодня эта «мадам Брошкина» приходила, у нее такая поганая энергетика – просто вампирша! Вот ее ты, наверное, и почувствовала!

– Да, наверное. Извини, я спать, пока.

Я отключила телефон. Совсем. В висках пульсировало.

Ненавижу это ощущение растерянности и беспомощности. Некий «мальчик из семнадцатой» рылся в моих документах и теперь знает, кто я. А может, и не рылся – доказательств нет. Что это – реальное преследование или моя личная паранойя?

Надо же, высмеивала бабушкины страхи, а теперь сама тряусь как осиновый лист только потому, что свидетельство о рождении оказалось не там, где должно быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.